

*Фишман Л.Г.**

**ВАЛААМОВА ОСЛИЦА Ф. ДОСТОЕВСКОГО
(СМЕРДЯКОВ – «ЧЕЛОВЕК RESENTIMENT»?)[©]**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правомерности интерпретации образа героя произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Павла Смердякова как «человека ressentiment». В связи с этим анализируется ценностное содержание концепции resentment Ф. Ницше и М. Шелера. Обосновывается, что в центре этой концепции находится образ аристократа-«барина», с позиции которого любое поползновение «раба» обрести достоинство расценивается как проявление душевной и физической ущербности – resentment. В статье показано, что Достоевский действительно вывел Смердякова как тип, имеющий большое сходство с «человеком resentment», но не сводящийся к таковому. Причиной кардинальных расхождений является то, что пронизанный resentmentом герой Достоевского помещен в ценностный универсум, в котором надменный барский взгляд, ищущий resentment у других, не поощряется. Достоевский слишком сильно сочувствовал униженным и оскорбленным и слишком явно отождествлял себя с ними, чтобы последовательно встать на позицию

**Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия; lfishman@yandex.ru*

Fishman Leonid Gershevich – DSc in Politicaly, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; lfishman@yandex.ru.

© Фишман Л.Г., 2024

ницшеовско-шелеровского аристократа, ищущего ресентимент у бунтующего раба.

Ключевые слова: Смердяков; смердяковщина; Ницше; Шелер; Достоевский; ресентимент; нормативный образец.

Поступила: 15.02.2023

Принята к печати: 02.05.2023

Для цитирования: Фишман Л.Г. Валаамова ослица Ф. Достоевского (Смердяков – «человек ressentiment»?) // Вестник культурологии. – 2024. – № 1(108). – С. 64–80. – DOI: 10.31249/hoc/2024.01.04

Fishman L.G.

**F. Dostoyevsky's Donkey of Valaam
(Is Smerdyakov a “ressentiment man”?)**

Abstract. The article examines the validity of the interpretation of the character image of Pavel Smerdyakov in F.M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov” as a “man of ressentiment”. In this regard, the author analyzes the value content of F. Nietzsche's and M. Scheler's concept of ressentiment. The author substantiates that at the center of this concept is the image of an aristocratic “lord”, from whose position any attempt by a “slave” to gain dignity is regarded as a manifestation of mental and physical deficiency – ressentiment. The article shows that Dostoevsky really brought out Smerdyakov as a type that has a great resemblance to the “man of ressentiment”, but is not reduced to it. The reason for the cardinal differences is that Dostoyevsky's character, permeated with ressentiment, is placed in a value universum in which the haughty, lordly gaze that seeks ressentiment in others is not encouraged. Dostoevsky sympathized too much with the humiliated and insulted and he identified with them too clearly to consistently take the position of a Nietzschean-Schelerian aristocrat searching for ressentiment in a rebellious slave.

Keywords: Smerdyakov; smerdyakovism; Nietzsche; Scheler; Dostoevsky; ressentiment; normative model.

Received: 15.02.2023

Accepted: 02.05.2023

For quoting: Fishman L.G.F. Dostoyevsky's Donkey of Valaam (Is Smerdyakov a “ressentiment man”?) // Bulletin of Cultural Studies. – 2024. – № 1(108). – P. 64–80. DOI: 10.31249/hoc/2024.01.04

Смердяковщина у нас давно является негативным ярлыком, обретшим популярность по мере того, как модно стало ругать либерализм вообще и особенно либерализм такого рода, который замешан на нелюбви к своей родине и преклонении перед Западом. Тут как нельзя кстати оказывается часто цитируемый диалог из «Братьев Карамазовых» между Смердяковым и его поклонницей Марьей Кондратьевной:

...Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна.

– Когда бы вы были военным юнкерочком али гусариком молоденьким, вы бы... саблю вынули и всю Россию стали защищать.

– Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с.

– А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?

– Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с...» [Достоевский, 2006, с. 236].

Взгляды, озвученные Смердяковым в этом диалоге, действительно не были исключительно плодом авторского преувеличения. В конце концов, вероятно, вдохновивший Достоевского В. Печерин, знаменитый своей россиененавистнической поэмой, и в самом деле был реальным человеком. А учитывая громко прозвучавшее в 1990-е «пили бы баварское», – Достоевский оказался настоящим провидцем.

Тем не менее, если попытаться осмыслить образ Смердякова в целом (а он явно не исчерпывается приведенным выше диалогом), возникает ощущение, что со Смердяковым «что-то не так». Хотел ли того Достоевский или нет, этот персонаж получился избыточно глубоким, сложным и неоднозначным. Борис Межуев не случайно заметил по данному поводу, что убийцы и самоубийцы Достоевского «вообще редко являются проходными персонажами, тем более те из них, кого

писатель наделяет той болезнью, от которой страдал сам, а именно падучей. До Смердякова эпилептиками в романах писателя выступали либо положительные герои – князь Мышкин и девочка Нелли из “Униженных и оскорбленных”, либо герои сумрачные и странные, наделенные загадочным обаянием – Мурин из “Хозяйки” и Кириллов из “Бесов”. Смердяков странным образом выбивается из этого ряда, с первого взгляда он кажется мелким инфернальным злодеем уровня Липутина или же Петра Петровича Лужина. Но есть в этом персонаже что-то загадочное, что ставит его вровень с богоборцами и почти святыми – какая-то особая, не совсем “лакейская”, черта, хотя именно “лакейство” Смердякова постоянно подчеркивается повествователем. Как и во многих другие злодеях, у Достоевского в Смердякове есть что-то сверхчеловеческое» [Межуев]. Еще более категоричен А. Широпаев, согласно которому «Достоевский боялся Смердякова и потому сделал из него почти карикатуру, почти насекомое. Достоевский изобразил Смердякова грязным, смердящим подонком, вызывающим прямо-таки физическое отвращение, и лишь после этого позволил ему вкратце, бегло выразить свое кредо... Подозреваю, что и отцеубийцей этот персонаж стал по воле автора лишь затем, чтобы произнести свою хрестоматийную фразу про двенадцатый год. Отвратительность Смердякова должна была сделать отталкивающими и мысли, которые он высказывает. Отвратительными настолько, что уже не хочется в них вдумываться. По существу, патриот Достоевский при помощи образа Смердякова демонизировал своих идеологических оппонентов... Смердяков – вот самый интересный и непонятый брат Карамазов. И самый умный, самый глубокий, в чем-то наиболее близкий к народу. Он наиболее смело и интересно заявил тему о России. Независимо от воли автора, он взломал лед ментальных табу. Одной своей фразой он вышел за пределы сусальной “русскости”, “православия”, “родины”, России. Он освободился от России как фетиша, взглянув на нее с точки зрения здравого смысла и нормальных человеческих интересов» [Широпаев].

Как бы то ни было, великий писатель соединил в Смердякове отталкивающий человеческий тип¹ и отвратительные для него политические взгляды – как будто бы с тем, чтобы они выглядели еще отвратительней. Если рассматривать образ Смердякова исключительно в ракурсе жупела «смердяковщины», то выходит, что Достоевский свя-

зал неприемлемый тип либеральных воззрений с человеком, столь озлобленным на себя и мир и опустошенным разного рода саморазрушительными переживаниями, что он в итоге покончил с собой. И, на первый взгляд, писатель своей цели достиг, если не считать, опять же, послевкусия, которое заставляет подозревать, что со Смердяковым «что-то не так» и что к плоской «смердяковщине» он не сводится.

Но что же именно «не так»? В чем заключается проблема? Прежде всего, для того чтобы показать отвратительность особого рода «либерализма», образ Смердякова избыточен. А избыточен он в силу наделения его чертами человека ressentimentа. То, что Смердяков во многом выглядит именно как человек ressentimentа в классической его интерпретации, трудно оспорить. М. Шелер без сомнения бы включил его в число таковых героев русской классической литературы, которая, по его мнению, была пропитана ressentimentом: «Ни одна литература так не переполнена ressentimentом, как молодая русская литература. Книги Достоевского, Гоголя, Толстого просто кишат героями, заряженными ressentimentом» [Шелер, 1999, с. 49]. Российский переводчик Шелера А. Малинкин не без оснований считает, что первой причиной возникновения смердяковщины как уникального российского культурно-исторического феномена является то, что Ф. Ницше в «Генеалогии морали» квалифицировал как ressentiment [Малинкин, 2017, с. 230].

И действительно, Смердяков описывается Достоевским как классический человек ressentimentа, начиная от обстоятельств рождения и заканчивая жизненными перипетиями и внутренним миром. Достоевский, не зная, конечно, этого слова, описывает Смердякова в характерной для концепции ressentimentа парадигме. Смердяков – бастард, его жизненная ситуация весьма характерна для формирования ressentimentных чувств. См. подр.: [Фишман, 2021]. С этой точки зрения его антипатриотизм, который с давних пор замечается в первую очередь сторонниками популярной интерпретации смердяковщины, понятен. Смердяков не отождествляет себя с дворянами – «военным юнкерчком али гусариком молоденьким», которые *свою* дворянскую родину защищают. Потому что он сам, хотя по рождению мог бы претендовать на дворянский статус, его обидным образом лишен. И его радикальная (если не сказать, утрированная) «переоценка ценностей»

очень характерна в плане решительного отвержения аристократических доблестей теми, для кого «зелен виноград». Политические силы, мировоззрение, настроения, социальные типы и т.д., которые описываются сегодня с употреблением этого термина, предстают как отклонения от нормы, в первую очередь психической. Как замечает Ж. Риу, теоретики ressentimentа были склонны видеть в основе политического инакомыслия и художественного протеста «не законные интеллектуальные позиции, а эмоциональный крик о помощи... С точки зрения его критиков, он представляет собой пределы критики, точнее точку ее спуска в преддискурсивную, эмоциональную область, которой нет места в рациональном дискурсе». Поскольку ressentiment слишком близок к «невербальному, неинтеллектуализированному, реактивному крику зависти», он «отвергается в этой перспективе как коллективный призыв к равенству там, где это равенство не заслужено» [Riou, 2016, p. 12]. Те, кто считается носителем знака Ressentiment (a priori), не заслуживают интеллектуально «справедливого» обращения, на которое они претендуют [Riou, 2016, p. 14–15]. Взгляды Смердякова обыгрываются так, будто они являются следствием не здравого размышления полноценного, «нормального» человека, с которым можно говорить на равных, а плодом психики ущербного индивида, выродка, порождения «банной мокроты», как говорит о нем слуга Федора Карамазова Григорий. Это – типичная теоретическая оптика сторонников концепции ressentimentа, которые априорно отказывают своему объекту в «нормальности», здоровой рациональности, объективности и в конечном счете равном с собою достоинстве.

Итак, Смердяков ressentimentный тип – и уже одно это должно сделать его отвратительным. Дело выглядит так, что обличение человека в ressentimente его безнадежно дискредитирует, в то время как уличающий в ressentimente совершенно некритически полагает себя занимающим безупречную с моральной точки зрения позицию. В самом деле, если такие моральные авторитеты, как Ницше и Шелер, столь уничижительно отзывались об обнаруженном ими же ressentimente, то они, несомненно, знали, что говорят. Ressentiment действительно существует как объективный социальный феномен – и именно с таким моральным бэкграундом, который *приписывает ему взгляд, обнаруживающий ressentiment*. Иными словами, если в парадигме

концепции ресентимента ресентиментный тип – это плохо, значит так оно и есть.

Проблема заключается в том, что в очень важном аспекте с самой концепцией ресентимента «что-то не так». И это «не так» очевидно с первых же страниц работ Ницше и Шелера, стоит только задуматься, кому принадлежит взгляд, обнаруживающий ресентимент, с чьей точки зрения ведется повествование, кто является морально-антропологическим образцом. Образец этот – господин, аристократ, барин. Типичное для Ницше возведение хорошего к аристократическому, а плохого к плебейскому звучит так: «Ориентиром, выводящим на правильный путь, стал мне вопрос, что, собственно, означают в этимологическом отношении обозначения “хорошего” в различных языках: я обнаружил тут, что все они отсылают к одинаковому преобразованию понятия – что “знатный”, “благородный” в сословном смысле всюду выступают основным понятием, из которого необходимым образом развивается “хороший” в смысле “душевно знатного”, “благородного”, “душевно породистого”, “душевно привилегированного”: развитие, всегда идущее параллельно с тем другим, где “пошлое”, “плебейское”, “низменное” в конце концов переходит в понятие “плохое»» [Ницше, 1990, с. 418]. Ницше пишет о «выскородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны» [там же, с. 453], в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей» [там же, с. 426]. Концепция ресентимента Шелера во многом является инвариантом концепции Ницше, основанной на противопоставлении аристократов и плебеев. Это заметно даже в том пункте, в котором, как обычно считается, позиция Шелера противоречит позиции Ницше – а именно в вопросе о сущности христианства. Несмотря на то что Шелер, в отличие от Ницше, не считал подлинный дух христианства проявлением ресентимента, обнаруживается «странная связь между Ницше и Шелером в том смысле, что то, что Шелер называет истинной неизвращенной христианской любовью, имеет несколько общих черт с чистотой ницшеанской “белокурой бестии”: жизненность, благородство духа и, прежде всего, склонность быть “активным”, а не “реактивным”. Когда Шелер порицает буржуазную современную этику – например, выраженную в социальном чувстве или альтруизме, – и вызывает к любви, которая пристокает “из

изобилия силы, благородства и жизненной силы”, в нем прослеживаются следы определенного позднеромантического аристократизма, также нетрудно обнаружить и наивность, свойственную Ницше» [Bondi, 2021].

Со страниц произведений Ницше и Шелера встает образ человека ресентимента, который является плодом таких пронизанных несправедливостью, неравенством, насилием отношений между людьми, в которых униженные и оскорбленные имеют основания полагать, что они обладают не меньшим достоинством, чем их притеснители. При этом взгляд, с готовностью обнаруживающий этот самый ресентимент у других, изначально взгляд *аристократа и господина* на всякую чернь и быдло – причем взгляд именно в такой момент, когда чернь начинает осознавать свое достоинство (в формах, которые господину кажутся извращенными проявлениями большой природы). И от этого взгляд господина становится недоуменно-озлобленным, а сам господин – готовым даже и оклеветать своего бунтующего раба, приписав ему исключительно корыстную мотивацию, лицемерие, душевное и физическое уродство и пр.

Но если обнаруживающий ресентимент взгляд – это взгляд господина на им же униженного и оскорбленного, то именно последний, а не первый заслуживает сочувствия. Особенно если все его «предательство» заключается в «мыслепреступлении». И когда обвинение в предательстве и измене звучит с позиции барина, то сомнительно с моральной точки зрения начинает выглядеть именно барин.

Сомнения усиливаются, когда барин отождествляет себя с Родиной и измену себе рассматривает как измену Родине, даже если измена эта совершается только в мыслях. (В сущности, *ресентимент – это и есть с точки зрения барина измена ему раба в мыслях и чувствах: «восстание рабов в морали»!*) Не имеет значения то, как бы говорит барин рабу, что это *я* оскорблял и унижал твое достоинство. Главное, что *ты* не выдержал и изменил мне, а значит и Родине, и потому мои грешки меркнут перед твоим преступлением. Теперь *ты* виновен, а *я* – нет, мне все прощено самим фактом твоей измены. Поскольку ты впал в такую бездну греха, сравнительно с моими мелкими грешками, мне все теперь по отношению к тебе позволено и каяться мне не в чем. Так было и так будет впредь, потому что *я* барин, а *ты* быдло; это и есть главный закон бытия и последняя правда жизни. Вот

смотри сам, сказал я устами Федора Карамазова: «А Россия свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй что и Россию...» [Достоевский, 2006, с. 142]. И что же? Все забыли про это – потому что я барин и мне можно. А ты поди-ка скажи то же самое – заклеят тебя либералом и еще двести лет поминать будут. Смердяков не даст соврать. Вот это и есть подоплека взгляда барина, обнаруживающего resentment у своего холопа: претензия на безнаказанность.

Любопытно воспроизведение барского взгляда сегодня, которое мы обнаруживаем у А. Малинкина. Поскольку это не критически следующий за барско-аристократической точкой зрения взгляд, он *в первую очередь* видит «презрение и ненависть г. Смердякова к родному отечеству, ко «всей России». Но не менее показательны следующие за этим уточнения и оговорки. С одной стороны, Малинкин вынужден признать, что «причиной перманентного, ставшего традиционным воспроизводства в России смердяковщины является неизменно практикуемый, но в корне ошибочный подход высших европейски образованных слоёв нашего общества (“интеллигенции”, “элит”) к обновляющему реформированию страны через насильственное навязывание “отсталому” российскому народу западного культурно-цивилизационного образца “догоняющей” модернизации, который ломает традиционный уклад жизни, осуществляя подмену родного старого на новое чужое» [Малинкин, 2017, с. 230]. С другой стороны, он утверждает, что «расположенность к предательству вырастает из чувства неизбывной жалости к самому себе как якобы преданному, брошенному на произвол судьбы своими, поэтому ненависть к ним и желание их предать переживаются в форме (иллюзорной) компенсации, мести за эту мнимо нанесенную и в принципе непрощаемую обиду. *Особенность смердяковщины заключается в том, что она ведет к предательству своих, потому что они якобы сами предатели и должны быть устранены как враждебное препятствие на пути к светлому будущему страны и всего человечества* (курсив мой. – Л. Ф.)» [Малинкин, 2017, с. 230].

Иными словами, тут в принципе, на корню отрицается сама возможность предательства элит. Оно не предательство, а «якобы предательство». В самом деле, «изменников на престоле не бывает». Очевидно, это «ошибки», совершаемые в ходе государственно необходи-

мых мероприятий, и вообще «лес рубят – щепки летят», что уж тут поделаться. Плохо все это, конечно, но извиняться тут не за что и незачем – барин в очередной раз оправдал себя. А вот предатель из народа, к престолу не близкий, – однозначно предатель, не могущий рассчитывать на снисхождение. Потому что не понял он высокой государственной необходимости, не стал терпеть.

Сразу оговоримся: сказанное выше не означает, что предательство Родины есть нечто хорошее и оправданное. Это значит, что описанный выше дискурс обличения чужого ressentimentа, который уличает в предательстве и прочих мерзостях *других*, – взгляд на мир *с точки зрения барина* со всеми вытекающими отсюда особенностями. И поэтому, некритически воспроизводя парадигму концепции ressentimentа, следует отдавать себе отчет, что ты встаешь именно на эту позицию – позицию субъекта, считающего себя выше черни по умолчанию и рассчитывающего на безнаказанность там, где чернь будет непременно наказана.

Возвращаясь к Смердякову, заметим, что в его случае тезис о мнимости предательства («якобы») со стороны *своих* если не полностью неуместен, то спорен. В чем суть социального положения, становящегося питательной почвой для ressentimentа? В том, что оно до известной степени промежуточное, когда, по словам Аристотеля, люди, равные другим в каком-то отношении, считают, что и в прочих отношениях они должны быть равны [Аристотель, 1983, с. 459–460]. По словам М. Шелера, «Раб, по природе являющийся рабом или чувствующий и сознающий себя рабом, не испытывает никакого чувства мести, когда хозяин оскорбляет его; точно так же и распекаемый слуга-подхалим, и ребенок, получающий затрещину. Наоборот, высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыня, не соответствующая внешнему статусу, особенно благоприятны для пробуждения чувства мести» [Шелер, 1999, с. 20–21]. Кроме того, «максимально сильный заряд ressentimentа должен быть в таком обществе, где, как у нас, *почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие* (курсив наш. – Л. Ф.) соседствует с огромными различиями в фактической власти» [там же, с. 21]. Таково же и положение Смердякова, которому уготована была судьба лакея при своем так и не признавшем его отце-аристократе². Он точно не относится к «рабам по природе», которые «не испытыва-

ют никакого чувства мести», скорей наоборот. По происхождению он не совсем аристократ, но и не совсем простолюдин. Умом и иными качествами он, пожалуй, не уступает представителям привилегированного класса из своей же семьи. На фоне отца и братьев Смердяков не выделяется какими-то особыми пороками, зато явно превосходит некоторых из них деловыми качествами – как беспутного Дмитрия, так и «не от мира сего» Алексея³. Но самое большее, на что он может рассчитывать, это открыть свой ресторан на Петровке. И сам тот факт, что Достоевский сделал Смердякова именно лакеем, не случаен. «Достоевский в образе лакея как человека, занимающего низшую ступень на социальной лестнице, воплощал собственный опыт (психологической, а не социальной) униженности. Лакей – это был знак, а не социальная характеристика: знак некоей неполноценности, непригодности, презрительного, по крайней мере насмешливого отношения окружающих, которые в силу этого становятся “господами” – господами положения» [Парамонов], – замечает Б.М. Парамонов. Иными словами, ресентимент как самого Достоевского, так и Смердякова – это реакция на поведение субъектов, позиционирующих себя в качестве «господ» с тем, чтобы выставить «лакея» в качестве существа неполноценного, непригодного, вызывающего презрение и насмешки окружающих, учитывая при этом, что высмеиваемый претендует на равное достоинство, если не родственную связь. Однако за своего его не признают; все так и остается на уровне намеков и сплетен. Федор Карамазов приближает Смердякова к себе только в качестве лакея и повара. Не становится он своим и для братьев. Так, Иван Карамазов, по-видимому, более всех имеющий влияние на Смердякова, говорит о нем: «...уважать меня вздумал; это лакей и хам. Передовое мясо, впрочем, когда срок наступит» [Достоевский, 2006, с. 142]. С точки зрения Смердякова, «...они про меня отнеслись, что я вонючий лакей. Они меня считают, что бунтовать могу; это они ошибаются-с. Была бы в кармане моем такая сумма, и меня бы здесь давно не было. Дмитрий Федорович хуже всякого лакея и поведением, и умом, и нищетой своею-с, и ничего-то он не умеет делать, а, напротив, от всех почтен. Я, положим, только бульонщик, но я при счастье могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке. Потому что я готовлю специально, а ни один из них в Москве, кроме иностранцев, не может подать специально. Дмитрий Фёдорович голоштанник-с, а вызови он на дуэль са-

мого первейшего графского сына, и тот с ним пойдет-с, а чем он лучше меня-с? Потому что он не в пример меня глупее. Сколько денег просвистал без всякого употребления» [Достоевский, 2006, с. 237].

После анализа манипуляций, которые Достоевский и все прочие, принимающие во внимание исключительно антипатриотический пассаж Смердякова, проделывают с этим персонажем, остается послевкусие несправедливости, ханжеского лицемерия и двойных стандартов. Тем не менее Достоевский пронизательно ухватил нерв того, что позже назовут ресентиментом: это бунт против барина и того, что с этим баринком ассоциируется, против всего, что себе барин монопольно присвоил. И если барин безраздельно присвоил себе право, в соответствии с Ницше, одно по своему вкусу считать добром, а другое злом, а также наложил свою длань на такие высокие ценности как «Россия» или «патриотизм» – что ж, значит «я всю Россию ненавижу». Только так и может выразить Смердяков свое неприятие мира, в котором игра всегда идет в одни ворота, обозначить смысл своего бунта – бунта саморазрушительного, который, быть может, заставит барина если не усовеститься, то в дальнейшем не доводить дело до крайности.

Какой бы социальный заказ ни хотел (да и была ли у него такая цель?) исполнить великий русский писатель, выводя образ Смердякова, у него получилось нечто другое. Смердяков отвратителен, он потенциальный предатель и изменник? Может быть. Но он же и «Валаамова ослица» (именно так называет Смердякова Фёдор Карамазов), которая побуждает пророка и писателя сказать *не то, что хотят от него сильные мира сего, но то, чего хочет Бог* – правду.

А правда заключается в том, что из Смердякова не вышло карикатурного мелкотравчатого «либерала», который ругает все русское и преклоняется перед границей. Не получилось плоского уродца, каким бы сквозь «аристократическое» пенсне обличения чужого ресентимента хотел бы видеть своего противника барин. Смердяков на самом деле *не* преклоняется перед границей: «Если вы желаете знать, то по разврату и тамошние, и наши все похожи. Все шельмы-с, но с тем, что тамошний в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит и ничего в этом дурного не находит» [Достоевский, 2006, с. 236–237]. Он не корыстен (что приписывают людям ресентимента, имеющим второе дно корыстного умысла): Смердяков отдает Ивану украденные у отца деньги: «Не надо мне их вовсе-с, –

дрожащим голосом проговорил Смердяков, махнув рукой. – Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще всё потому, что “всё позволено”» [там же, с. 649]. Хотя сам Смердяков и утверждает, что на бунт неспособен⁴, его бескорыстное убийство отца и самоубийство являются несомненным бунтом – и притом отнюдь не только в области морали. Он втайне стремится к вере: на словах отрицает перед Иваном, что «уверовал», однако единственная книга, которая лежит у него на столе, – «Святого отца нашего Исаака Сирина слова». В финале фигура Смердякова обретает трагическую глубину, перед которой Иван Карамазов – «прежний смелый человек-с», раздавленный сознанием того, что он невольно явился вдохновителем отцеубийства, – выглядит бледно.

Взгляд, обнаруживающий ресентимент, исходит из наличия нормативного образца социально успешного и психически здорового человека. В классической концепции ресентимента в качестве такового выступает идеализированный аристократ. Сегодня, когда заходит речь о ресентименте, такой образец, претендующий на общезначимость, выделить гораздо трудней, но всё равно подразумевается, что он должен быть. Разоблачение Смердякова выглядело бы более убедительным, если бы его окружали «нормальные», «здоровые» люди вроде пышущих душевным, физическим и нравственным здоровьем уверенных в себе «белокурых бестий». Вот только в романе Достоевского таких найти трудно. Все сколь-нибудь заметные герои отмечены печалью либо какой-то порочности или ущербности, либо откровенно жалкие, смешные, словом, ресентиментные персонажи или «широкие натуры» вроде Дмитрия Карамазова, которые вроде бы как и симпатичны самому Достоевскому, но с оговоркой «широк русский человек, я бы сузил». Если и есть в произведении Достоевского герои, похожие на «нормальных людей», то они выглядят таковыми лишь относительно. А самые близкие Смердякову отец и братья удастаиваются емкой сентенции – «сумасшедший он человек со всеми своими детьми-с» [там же, с. 237].

Я. Кротов пишет по этому поводу, что общество, которое окружало Смердякова, было «таким, что оно привело к революции. ...В результате революции социум перевернулся. До революции судьи, губернаторы, министры бывали умные и глупые, честные и продажные,

но озлобленных – не было. Стали. Революция и есть суд смердяковых над обычными людьми, правление озлобленных» [Кротов]. Но и, не дожидаясь революции, все эти баре, братья и отец Смердякова, эти «обычные люди», которые с точки зрения концепции ressentiment должны остаться безнаказанными, таковыми не остаются. Жизнь многих из этих «обычных людей», которые эдак походя создавали моральный ад ближнему в лице Смердякова, если не откровенно идет под откос, то не выглядит и счастливой. Кто с ума сходит, кто стреляется, кто садится в тюрьму. И это – последнее слово Достоевского по поводу Смердякова и его окружения.

Достоевский, на первый взгляд, описал антигероя Смердякова с присущей концепции ressentiment аристократической, барской точки зрения. Точнее, таким образом, *каким бы с барской точки зрения выглядели* неугодная барину мировоззренческая позиция и тот человеческий тип, которому бы барин непременно поручил эту позицию изложить с целью ее окончательной дискредитации. Но по ходу изложения оказалось, что барин и сам-то отвратителен, а уличаемый им в ressentimentе тип есть тип «униженного и оскорбленного» и даже отчасти оклеветанного барином человека. И, главное, получилось, что взгляд, обнаруживающий ressentiment, вроде как есть, но ввиду отсутствия нормативного образца совершенно непонятно, откуда у него такая претензия. А значит, если мы повторяем вслед за сторонниками концепции ressentiment, что Смердяков – ressentimentный тип, то нам следует, по крайней мере, внести существенные коррективы. На самом деле, у Достоевского нет аналога последовательной концепции ressentiment в собственном смысле – просто потому, что в его моральном универсуме нет ни мифического аристократа как нормативного образца, ни другого подобного ему образца социальной «успешности». В лучшем случае у него есть попытка вывести нормативный образец в виде святого праведника вроде отца Зосимы или тянущегося к нему Алексея Карамазова. Однако отношение у этого примера для подражания к униженным, оскорбленным, ressentimentным типам вроде капитана Снегирёва и, главное, к себе самим, является *противоположным* отношению к ним барина-аристократа. Когда Лиза Хохлакова спрашивает у Алексея «нет ли тут во всём этом рассуждении нашем, то есть вашем... нет, уж лучше нашем... нет ли тут презрения

к нему, к этому несчастному... в том, что мы так его душу теперь разбираем, свысока точно, а?»), следует ответ:

«– Нет, Lise, нет презрения, – твёрдо ответил Алеша, как будто уже приготовленный к этому вопросу, – я уж об этом сам думал, идя сюда. *Рассудите, какое уж тут презрение, когда мы сами такие же, как он, когда все такие же, как он. Потому что ведь и мы такие же, не лучше. А если б и лучше были, то были бы все-таки такие же на его месте...* (курсив мой. – Л. Ф.). Я не знаю, как вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня во многом мелкая душа. А у него и не мелкая, напротив, очень деликатная... Нет, Lise, нет тут никакого презрения к нему! Знаете, Lise, мой старец сказал один раз: за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах...» [Достоевский, 2006, с. 228].

В конечном счете Достоевский действительно вывел Смердякова как тип, имеющий большое сходство с «человеком ресентимента», но не сводящийся к таковому. Причина проста: пронизанный ресентиментом герой Достоевского помещен в ценностный универсум, который однозначно и четко, – «как будто уже приготовленный к этому вопросу», – *не поощряет надменного барского взгляда, ищущего ресентимент у других*. Достоевский слишком сильно сочувствовал униженным и оскорбленным, слишком явно отождествлял себя с ними, чтобы последовательно встать на позицию ницшевско-шелеровского аристократа, ищущего ресентимент у бунтующего раба. Поэтому если Достоевский и выполнял идеологический заказ на дискредитацию неугодного русскому барину антипатриотического «либерализма», то получилось это не слишком убедительным, с неустранимым ощущением, что «что-то здесь не так». Равным образом и Смердяков, как и прочие «униженные и оскорбленные» герои Достоевского, могут быть описаны как ресентиментные типы только вследствие их грубого упрощения. Последнее вызвано тем, что описывающий униженных и оскорбленных в качестве ресентиментных типов, встает (хочет он того или нет) на точку зрения надменного барина, для которого в универсуме Достоевского места нет. Заклучая, мы имеем основание предположить, что когда нас одолевает желание вслед за Шелером увидеть в русской литературе толпу «заряженных ресентиментом» типов, нам следует, как и в других аналогичных случаях, не соблазняться внешним и частичным сходством. В конце концов, ресентимент обнаружив-

ваеся лишь под определенным взглядом, которым мы, быть может, готовы смотреть на окружающую вас социальную реальность в гораздо меньшей степени, чем может показаться вначале.

Примечания

¹ Ради этого он даже заставил Смердякова в детстве вешать кошек, а, будучи взрослым, учить детей как подмешивать иголки в пищу собакам.

² Отце, к слову сказать, придумавшем ему и фамилию – Смердяков. Как тут не вспомнить ницшевского аристократа, за которым зарезервировано «право господ давать имена»! [Ницше, 1990, с. 417].

³ Который, заметим, тоже не совсем здоров по материнской линии: мать его – «кликуша».

⁴ А именно бессильные злоба и зависть при неспособности к бунту считаются одними из важнейших признаков ressentimentа.

Список литературы

Аристотель. Политика // *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – Москва : Эксмо, 2006. – 830 с.

Кротов Я. Свойства без человека. – URL: http://krotov.info/1/old/2_chelovek/2_svoystva/resentiment.htm?ysclid=lp85mvnvnz764443524

Малинкин А.Н. Предать предателей: смердяковщина как элемент российской политической культуры // Вопросы национализма. – 2017. – № 1(29). – С. 221–237.

Межуев Б. Происхождение «смердяковщины». – URL: <https://politconservatism.ru/blogs/proishozhdenie-smerdyakovshhiny>

Ницше Ф. К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 407–524.

Парамонов Б.М. К вопросу о Смердякове. – URL: <https://lit.wikireading.ru/19529>

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – Санкт-Петербург : Наука : Университетская книга, 1999. – 231 с.

Широпаев А. Самый умный из братьев. – URL: <https://shiropaev.livejournal.com/141052.html>

Фишман Л.Г. Наследник и бастард (Заметки о социальном генезисе ressentimentа) // Полития. – 2021. – № 4. – С. 145–162.

Bondi D. Victimism as the contemporary form of ressentiment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality // *Dialegethai. Rivistatelematica di filosofia [on line].* – 2021. – Vol. 23, 01 Jun. – Available on World Wide Web. – URL: <https://mondodomani.org/dialegethai/>

Riou J. Introduction: Towards a History of Ressentiment // Re-thinking Ressentiment: On the Limits of Criticism and the Limits of its Critics. transcript Verlag. – Bielefeld, 2016. – P. 1–24.

References

Aristotel'. Politika [Politics]. In *Sochineniya: v 4 t.* [Essays: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, pp. 376–644. (In Russ.)

Dostoevskij, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 830 p. (In Russ.)

Krotov, Ya. *Svoystva bez cheloveka* [Properties without a person]. URL: http://krotov.info/1/old/2_chelovek/2_svoystva/resentiment.htm?ysclid=lp85mvmvz764443524 (In Russ.)

Malinkin, A.N. Predat' predatelej: smerdyakovshchina kak element rossijskoj politicheskoy kul'tury [Betray traitors: Smerdyakovism as an element of Russian political culture]. In *Voprosy nacionalizma*, no. 1 (29), 2017, pp. 221–237. (In Russ.)

Mezhuev, B. *Proiskhozhdenie «smerdyakovshchiny»* [The origin of the “Smerdyakovshchina”]. URL: <https://politconservatism.ru/blogs/proishozhdenie-smerdyakovshchiny> (In Russ.)

Nicshe, F. K genealogii morali [To the genealogy of morality]. In *Sochineniya: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, pp. 407–524. (In Russ.)

Paramonov, B.M. *K voprosu o Smerdyakove* [To the question of Smerdyakov]. URL: <https://lit.wikireading.ru/19529> (In Russ.)

Sheler, M. *Resentiment v strukture morale* [Resentment in the structure of morals]. Saint Petersburg, Nauka : Universitetskaya kniga Publs.. 1999. 231p. (In Russ.)

Shiropaev, A. *Samyj umnyj iz brat'ev* [The smartest of the brothers]. URL: <https://shiropaev.livejournal.com/141052.html> (In Russ.)

Fishman, L.G. Naslednik i bastard (Zametki o social'nom genezise resentimenta) [The Heir and the Bastard (Notes on the social genesis of resentment)]. In *Politiya*, no. 4, 2021, pp. 145–162. (In Russ.)

Bondi, D. Victimism as the contemporary form of resentment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality. *Dialegesthai. Rivistatelematica di filosofia* [on line], vol. 23 (2021) [published: 01 Jun 2021], available on World Wide Web. URL: <https://mondodomani.org/dialegesthai/>

Riou J. Introduction: Towards a History of Ressentiment // Re-thinking Ressentiment: On the Limits of Criticism and the Limits of its Critics. transcript Verlag. Bielefeld, 2016, pp. 1–24.